

АВСЕЕНКО-ПОТОЦКИЙ Б. Н
— ПЕШКОВОЙ Е. П., ЯГОДЕ Г. Г,

АВСЕЕНКО-ПОТОЦКИЙ Борис Николаевич, родился в 1899 в Санкт-Петербурге. В 1930 — артист Государственного Академического театра драмы в Ленинграде. 29 октября 1934 — арестован по групповому делу, 7 июня 1935 — приговорен к 5 годам ссылки в Сибирь и отправлен в Минусинск Красноярского края.

В августе 1936 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<12 августа 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Позвольте Вас поблагодарить за содействие, оказанное Вами, в получении разрешения перевестись из Кежемского района в г<ород> Минусинск. Здесь мне удалось получить работу по специальности (работаю сейчас в летнем театре) и, как только откроется физикотерапевт<ический> кабинет — смогу пользоваться лечебными процедурами. Мечтал я попасть на курорт "Тагарское" (в 12 км от Минусинска), получил разрешение местного упр<авления> НКВД, но глав<ный> врач под благовидным предлогом отказалась продать путевку ссыльному. Таким образом, я пока остался без лечения. Правда, лето и чудесный Минусинский климат оказали свое благотворное влияние, но боюсь, что, с первыми осенними холодами, снова потеряю трудоспособность.

Все мои попытки доказать свою невиновность — пока безуспешны. Вот уже 1½ года, как я обращаюсь во все инстанции от прокуратуры до ЦИКа СССР, но ниоткуда не получаю ответа.

Неужели же нет средства, реабилитировать себя?

Неужели придется всю жизнь незаслуженно носить клеймо контрреволюционера только потому, что меня оклеветали, и сам я по малодушию подписал показания, мною не данные?

Помогите, Екатерина Павловна, вырваться из этого заколдованного круга. Должен же быть какой-то выход?

Может быть, то, что я пишу, недостаточно убедительно — можно ведь вызвать меня, допросить; допросить дополнительно свидетелей, которых почему-то не вызывали; можно с очевидностью установить, какие нарушения процессуальных норм допущены были при следствии, и таким образом истина моих слов о полной моей невиновности станет очевидной?

Обращаюсь к Вам с просьбой передать прилагаемое заявление в НКВД.

Еще раз примите мою глубокую благодарность за проявленное Вами человеческое отношение.

С глубоким к Вам почтением.

Б<ывший> артист Ленингр<адского> Гос<ударственного> Акад<емического> Театра Драмы

Борис Потоцкий.

12/VIII-36 г<ода>.

Авсеенко-Потоцкий Борис Николаевич.

Адм<инистративно> ссыльный, осужд<ен> Особ<ым> Совецанием 7/VI-35 г<ода> по делу № 383.

Минусинск, Гоголевская 51, кв. д<окто>ра Мартыанова»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1524. С. 222. Автограф.

К письму Бориса Николаевича Авсеенко-Потоцкого прилагалось
заявление для Г. Г. Ягоды.

<13 августа 1936>

«Народному Комиссару Внутренних Дел,
Генеральному Комиссару Государственной Безопасности
т<оварищу> Г. Г. Ягода

адм<инистративно> ссыльного
Авсеенко-Потоцкого Бориса Николаевича

Заявление

В настоящее время я отбываю назначенный мне Особым Совецанием НКВД постановлением от 7/VI-35 г<ода> по делу № 383 5-ти летний срок ссылки в г<ороде> Минусинске, Красноярского Края.

Но я не могу примириться с положением врага Советской Власти, с позорным клеймом контрреволюционера. Я прошу пересмотреть мое дело, так как я абсолютно не виновен в приписываемых мне преступлениях.

Возможно, что имеются документальные данные, могущие охарактеризовать меня с дурной стороны. Я, например, сын дворянина, у меня есть родственники за границей, я был знаком с некоторыми лицами, которые, как установило следствие, являются элементом антисоветским, и, наконец, я сам, своей рукой подписал показания, не говорящие о моей невиновности. Объективно многое против меня, но перед Вами случай, когда документальные данные расходятся с жизнью, отражают ее искаженно.

Да, мой отец из дворян, но ведь "дети не отвечают за грехи отцов", да у отца моего и грехов мало было: он никогда не занимал какого-либо крупного поста при старом режиме, никогда не был ни помещиком, ни капиталистом; честно работал на ответственном посту при Советской Власти; скончался в 1920 г<оду>, и был даже похоронен за счет государства.

Из родственников за границей я переписывался только с единственным моим братом Н. Н. Авсеенко, проживающим в Париже; имел только легальную переписку; и брат мой уехал из СССР в 1924 г<оду> легально.

С лицами, осужденными со мной, я был едва знаком: в семье инж<енера> Карташева я был 3 раза, а у гр<ажданки> Лаппа-Старженецкой один единственный раз, с большинством же осужденных я никогда не встречался. Может быть, я был близорук, но мне никогда не приходило в голову, что эти лица враждебно настроены. Я никогда не слышал разговоров, которые определили бы это общество, как сборище антисоветских элементов; и тем более сам никогда не вел антисоветских разговоров. Однако вечеринка 5-го окт<ября> 34 г<ода>, в комнате гр<ажданки> Лаппа-Старженецкой, является в следственном материале наиболее обличающим моментом. Как это могло произойти? Я утверждаю, что показания гр<ажданки> Любавцевой являются клеветническими. Я, правда, в тот вечер сидел за отдельным столиком с одной студенткой (которая почему-то не допрашивалась), не слышал всех разговоров, происходивших за столом, но то, что гр<ажданка> Любавцева показывала в отношении меня на очной ставке, с очевидностью убедило меня в лживости всех ее заявлений.

Почему же я подписал показания, которых не давал?

Следователь гр<аждаин> Нахамнес сумел убедить меня в том, что я невольно попал в какую-то "контррев<олюционную> организацию", что мой долг разоблачить этих людей и т<ому> п<одобное>, и я, думая помочь следствию, на самом деле запутал его своим малодушием.

Я пытался сделать приписку к своим показаниям, что антисоветская сущность этих вечеринок и лиц, на них собиравшихся, стала мне ясна только в процессе следствия, что до этого я об этом и не предполагал, однако, гр<аждаин> Нахамнес эту приписку мне сделать не разрешил.

Еще будучи в заключении, я писал заявления следователю, Нач<альнику> Отдела, прокурору, — но все это осталось без ответа.

Я прошу дать мне возможность оправдаться. Я прошу пересмотреть мое дело; вызвать не допрошенных свидетелей — в первую очередь студентку, которая все время сидела рядом со мной на вечеринке 5-го окт<ября>, и ряд лиц, также присутствовавших на вечеринке, которые, однако, не были ни допрошены, ни осуждены.

Я 17 лет честно проработал в Советских театрах, никогда не был замешан в чем-либо предосудительном; продолжаю работать и сейчас.

Я верю, что обрушившееся на меня несчастье — временное, что я буду реабилитирован, и с новыми силами буду бороться за невиданный расцвет прекрасного театра нашей великой Родины.

Я прошу дать мне возможность, не краснея за свое прошлое, воспитывать моего малолетнего сына, сделать его достойным гражданином Страны Социализма.

Б<ывший> артист Ленинградского Гос<ударственного> Академ<ического> Театра Драмы
Борис Потоцкий.

13/VIII-36 г<ода>.

Б. Н. Авсеенко-Потоцкий, г<ород> Минусинск,
Гоголевская 51, кв. д<окто>ра Мартьянова»².

15 ноября 1936 — благодаря ходатайству Помполита срок ссылки сокращен до 3 лет. 13 февраля 1938 — арестован как «участник контрреволюционной организации», 11 апреля приговорен к ВМН и 4 мая расстрелян»³.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1524. С. 223-224. Автограф.

³ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.